

Русские конструкции со значением чередования ситуаций¹

А. Ладыгина, Е.Рахилина

1. Введение

Можно с уверенностью сказать, что задача создания «русского конструктикона» – списка русских конструкций с их подробным комплексным лексико-синтаксическим описанием – была поставлена Натальей Юрьевной Шведовой одной из первых, прежде всего, в ее знаменитой докторской диссертации 1958 года «Синтаксис русской разговорной речи. Строение простого предложения», затем в соответствующей монографии (Шведова 1960) и последней Академической грамматике под её редакцией (АГ 1980).

Между тем, поиск новых конструкций – нетривиальная исследовательская задача. Такие единицы не всегда можно выделить «механически», опираясь, например, на данные статистики (частотность n-граммов), так как количество компонентов внутри конструкции, их линейный порядок не обязательно является строго фиксированным. Простого решения здесь нет – нужен творческий подход.

Мы предлагаем искать и изучать новые конструкции на материале корпусов ошибок². В нашем исследовании мы будем опираться на корпус текстов носителей эритажного русского: так называют эмигрантов второго поколения, выросших за пределами России (Polinsky, Kagan 2007; Выренкова et al. 2014), а сам термин восходит к английскому *heritage speakers*, букв. ‘говорящие на унаследованном языке’. Идиом таких носителей отличается грамматической правильностью – особенно по сравнению с изучающими русский язык как иностранный, но одновременно и большим количеством нестандартных отклонений от привычных норм, прежде всего, в области *лексико-синтаксической* сочетаемости. Аномальные употребления, связанные с нарушением таких комплексных сочетаемостных правил, выступают маркерами конструкций: анализ причин появления ошибки позволяет выявить как исходную правильную конструкцию, так и конструкции, близкие к ней по семантическим и / или синтаксическим свойствам.

В этой статье речь пойдет о целом классе интересных с лингвистической и типологической точки зрения квазиграмматичных конструкций со значением чередования ситуаций. Наше внимание на него обратили несколько «ошибочных» эритажных примеров типа (1-3).

С точки зрения языковой нормы, предложение (1) не безупречно, но вполне допустимо в устной речи. Однако примеры (2) – (3) являются аномальными: в (2) более приемлемым кажется двойной союз *то-то*, а в (3) – конструкция с временным наречием *Иногда-иногда*. Скорее всего, нестандартные употребления здесь обусловлены калькированием: *может быть...*, *может быть* является прямым переводом финской конструкции *ehkä... ehkä* (букв. ‘возможно..., возможно’), *иной раз...*, *иной раз* представляет собой поэлементный перевод наречия *manchmal* – ‘иногда’ (*manch-* ‘иной’, *mal* – ‘раз’).

(1) *Когда станет холодно? Я не понимаю как сейчас погода всё ещё как будто лето. Один день холодно, а другой совсем солнечно* [RuLeC, английский]

(1) *Мы были может быть в Кунсткамере, может быть в книжном магазине* [RuLeC, финский]

(2) *Иной раз легко, иной раз не очень так легко, но трудно – нет* [Protassova 2007: 320, немецкий]

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

² Подробное описание этого подхода описано нами в (Рахилина 2013) и (Рахилина 2015).

Заметим, что конструкции *один день X, другой день Y; то X, то Y; иногда X, иногда Y* (X, Y – клаузы) близки по своей структуре и семантике. Они двухчастны и последовательно вводят две ситуации: X и Y. Эти ситуации являются взаимоисключающими в том смысле, что они не могут происходить одновременно: ситуация Y всегда следует только после завершения X. Другими словами, конструкции обозначают **повторяемую смену ситуаций** или их **чередование**.

Значение повторяемости ситуаций – одной или нескольких, – как известно, является когнитивно значимой идеей, настолько важной, что разные значения повторяемости объединяются в грамматическую категорию глагольной / предикатной множественности (Плунгян 2011: 218). Повторяемость имеет целый ряд разновидностей: специалисты проводят различия между итеративностью, мультипликативностью, дистрибутивностью – подробнее см. (ТИК 1989), (Шлуинский 2005), которые могут маркироваться как грамматическими средствами, так и лексическими – в зависимости от типа. Классификация категорий множественности опирается на типологию параметров – способов умножения единичной ситуации.

Мы классифицируем идею чередования как особый подкласс категории множественности, связанный с повтором – или взаимным чередованием – *парных* ситуаций. Более подробно об этом значении и о способах его выражения в языках мира мы поговорим в разделе 2, и затем перейдем к материалу русского языка.

В русском значения чередования маркируется при помощи целого ряда конструкций, различающихся по степени грамматикализации и семантическим особенностям. Семантические и синтаксические параметры, релевантные для конструкций чередования, будут рассмотрены в разделе 2, а в разделе 3 мы подведем итоги сказанному.

2. Значение чередования ситуаций в категории глагольной множественности

2.1. Чередование ситуаций: особенности значения.

Под чередованием мы понимаем смену одной ситуации на другую, а не повтор одной и той же, и в этом отношении значение чередования ситуаций является периферийным типом глагольной множественности. Хотя такой тип значений действительно достаточно маргинален в этой категории, тем не менее, некоторые (впрочем, как мы потом увидим, не вполне прототипические) разновидности чередования все-таки отражены в типологических работах по глагольной множественности – а именно, те, которые в языках мира способны оформляться морфологически (Храковский 1989:31), (Шлуинский 2005:63).

В первую очередь, отмеченные в специальной литературе значения чередования связаны с идеей разнонаправленного движения. В частности, движение из стороны в сторону описывается *альтернативом* (ср.: *ходить туда-сюда*) или *амбулативным диверсативом* (букв.: ‘движение в разные стороны’, как: *разлететься <в разные стороны>*). Оба эти значения относятся к внутрисобытийной множественности. Обратим внимание, однако, что в этом случае само событие остаётся неизменным – происходит только смена (и чередование) характеристик ситуации, в нашем случае пространственных. Фактически, и альтернатив, и амбулативный диверсатив выражают повтор **одной** ситуации, а не чередование **разных**.

Значение периодической замены одной ситуации на некоторую другую присуще дубликату. Дубликатив описывает серию действий, такую, в которой каждое следующее действие отменяет результат предыдущего. Эту серию можно представить в виде цепочки:

P – (anti-P) – P – (anti-P) ...

В русском дубликативное значение выражается глаголами несовершенного вида и наречиями образа действия соответствующей семантики, ср. [Шлуинский 2005:64]:

(3) *Преподаватель сидел за столом и всё время снимал свои очки* (= ‘снимал (и надевал)– еще раз ‘снимал (и надевал)’ и т.д.)

В других языках дубликативное значение может выражаться и собственно морфологическими средствами. Например, в чамалинском оно реализуется с помощью редупликации: так, смысл ‘мерцать’ оказывается результатом редупликации глагола с семантикой ‘зажечься’, см. (5):

(4) *Vaku-bi rik-uk-enda.*
звезда-PL зажечься-RED-PRES
Звезды мерцают [=зажигаются и гаснут]

Видно, что в действительности, дубликативное значение, как и диверсатив, тоже держит в фокусе только одну ситуацию – как в примерах (4) и (5); соответственно, действия ‘снять’ и ‘зажечься’: ‘надеть’ и ‘гаснуть’ возникают здесь только как необходимая связь со следующей итерацией.

Между тем в языке находит отражение и действительное чередование двух *разных* ситуаций, и оно требует не только морфологического кодирования, но и специальных лексико-синтаксических средств – сочинительных конструкций с *двойными* маркерами.

2.2 Чередование ситуаций: особенности кодирования.

В конструкциях со значением чередования двойной показатель последовательно вводит каждый из двух предикатов, как в примере (6):

(5) *То спину ломит, то хвост отваливается*

В качестве элементов двойного маркера могут выступать наречия времени, ср. русск. *иногда X, иногда Y*, а также примеры (7-9) из некоторых других языков:

- Датский: *sommetider ... sommetider* – *иногда...иногда*

(6) *Hvor var hun en mærkelig én, sommetider barn og sommetider voksen.* - *Она была странной: вела себя то как ребёнок, то как взрослый*

- Финский: *joskus...joskus* – *иногда....иногда*

(7) *Joskus sataa joskus paistaa* – *Иногда идёт дождь, иногда солнце светит*

- Английский: *today...tomorrow* – *сегодня...завтра*

(8) *Today he's really attentive, tomorrow he ignores me* – *Сегодня он действительно внимательно ко мне относится, завтра игнорирует меня*

Наречия времени в подобных конструкциях вполне ожидаемы: они эксплицитно задают периоды времени, когда происходят чередующиеся события. В принципе, на их месте могут оказаться и существительные, называющие стандартные культурно значимые временные отрезки, такие как неделя, год, век и под.:

(9) *Неделю работаем, неделю отдыхаем*

(10) *Ужасно выматывало то, что месяц тренируешься, месяц – нет* [Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000-2001)]

(11) *Наконец сошлись на том, что татары и русские собирают дань по очереди – год харадж, год – ясак* [Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)].

Важно, что эти периоды – не произвольной длины. На русских примерах (10-12) видно, что они могут соотноситься с днями (или часами?), но вряд ли с более короткими временными интервалами, ср. неестественность: ?*минуту тренируешься, минуту нет, *секунду работаешь, секунду отдыхаешь*. В класс наиболее характерных для данной конструкции имен входят имена со значением ‘день’, ‘неделя’, ‘месяц’ и ‘год’.

Очевидно, что эти лексические ограничения и предпочтения семантически мотивированы общим значением конструкции. Само изменение положения дел при чередовании ситуаций может происходить и мгновенно, однако для того, чтобы оно состоялось, каждая из ситуаций должна иметь возможность реализоваться, стать наблюдаемым фактом. Для этого нужен некоторый продолжительный промежуток времени – отсюда малая вероятность конструкций с слишком короткими периодами типа **секунду X, секунду Y*.

При полной грамматикализации, как в самом первом примере этого раздела, см. (6), маркерами конструкции становятся двойные союзы. Самым естественным источником для такой грамматикализации являются, конечно, временные или местоименные наречия. Например, в немецком языке в качестве маркера выступает наречие *bald* со значением ‘скоро’ (13), а в хинди используется наречие *kabhii* – ‘когда’ (14).

(12) Немецкий:

Bald lacht er, bald weint er

Он то смеётся, то плачет

(13) Хинди:

kabhii khushii kabhii gam

То счастье, то печаль

Другой важный и тоже прозрачный в семантическом отношении источник – счётные слова, как бы перечисляющие чередующиеся ситуации, ср.: нем. *mal-mal* < *mal* – ‘раз’, араб. *marra...marra* < *marra* ‘раз’, кит. *yī-yī* < *yī* – ‘один’

(14) Немецкий:

Sie sind die Engel der Welt, welche, mal durch Fasten und Wachen, mal durch den Kampf des Martyriums und durch verschiedenste gute Taten, sich so über ihren Leib erhöht haben [Der Bote, No. 1 (2011)]

Это земные ангелы, которые – то лощением и бдением, то подвигами мученичества и разными добродетелями возвысились над своей плотью [Вестник Германской епархии РПЦЗ, № 1 [ABBYU LingvoPRO] (2011)]

(15) Арабский:

- ة يغني ومرة اخرى يرقص

То поёт, то танцует

(16) Китайский:

抑一扬

yī yī yī yáng

То падать, то подниматься

- (17) Китайский:
与一夺
yī yǔ yī duó
To давать, *то* отнимать

В том же ряду стоят указательные местоимения и одиночные сочинительные союзы: польск. *to-to*, укр. *to-mo*, идиш *ot-ot* < 'vom'; сочинительные союзы: эстон. *kord...kord* < *kord* – 'или', турец. *hem-hem* < *hem* 'либо'

- (18) Польский:
Tym razem krążyli wokół siebie dłużej, to skracając, to zwiększając dystans. [Andrzej Sapkowski. *Boży bojownicy* (2004)]

На этот раз они кружили дольше, то сокращая, то увеличивая дистанцию.

- (19) Идиш:
Ikh tu zih a yag - ot ahin, ot aher
А я охочусь по мелочи - то туда, то сюда

- (20) Турецкий:
Hem seçim sonuçlarını açıkladılar, hem de sonuçlarını iptal ettiler
То объявили выборы состоявшимися, то их результаты отменяют.

Как видим, грамматикализованные конструкции чередования, как и лексико-синтаксические, тоже всегда двухчастны и симметричны в оформлении частей. Тем самым, в отличие от дубликативов и диверсативов, они имеют возможность равно выделять в дискурсе каждое из двух чередующихся событий. На это нацелены используемые маркеры: временные наречия, указательные местоимения, разделительные сочинительные союзы – их семантика хорошо согласуется с задачей выделения каждого элемента пары. Значимость парности ситуаций заставляет говорить о чередовании как об особом типе глагольной множественности.

В одном и том же языке возможны как грамматикализованные, союзные, так и лексико-синтаксические, наречные конструкции чередования, причем в разных вариантах.

Замечание.

Синтаксические границы между этими классами конструкций провести непросто: обычно для двойных сочинительных союзов используются тесты, связанные с проверкой порядка слов на устойчивость – ср. (Пекелис 2012), где эти техники применяются для русских двухместных союзов типа *и-и*, *или-или*, *не то-не то* и т.п. – а также союза *то-то*, маркирующего чередование ситуаций. Такого рода тестирование квазиграмматических конструкций, описывающих чередование, сталкивается с проблемой их низкой частотности и, ввиду этого, высокой вариативностью, т.е. слабой нормализованностью. Так, если допустимость *один день солнце светит, другой день дождь идет* не вызывает сомнений, то проверка на грамматичность его вариантов с перестановкой типа *один день светит солнце, другой день идет дождь / дождь идет* не дает корпусных примеров, на которые можно было бы опереться, и обнаруживает существенные расхождения в мнении носителей-информантов.

Конечно, в таком обширном семействе конструкций нет полностью синонимичных единиц, а значит, должны быть некоторые когнитивно значимые параметры для их противопоставления. Здесь мы рассмотрим параметры, регулирующие употребление конструкций чередования на материале русского языка, которому, как мы покажем в следующем разделе, свойственно разнообразие в этой зоне глагольной множественности.

3. Конструкции чередования в русском языке

Русский язык действительно богат средствами выражения чередования событий. Они маркируют не только смену противоположных действий (как при дубликативе), ср. *день работаю, день отдыхаю, сегодня тепло, завтра холодно*, но и чередование разных, ситуативно, а не семантически связанных ситуаций, ср.:

(21) *День репетируем, день клуб строим.* [Э. Черепанова. Ответ еще будет // «Юность», 1958]

Кроме того, конструкции чередования, подобно диверсативам, могут выражать изменение не всей ситуации, а только одного или нескольких параметров. Так, в предложении (22) речь идёт об одном и том же событии – ситуации говорения, но при этом объект сообщения меняется.

(22) *Вот я с утра до вечера слушаю "Эхо Москвы" / сегодня одно говорят / завтра / другое.* [Беседа И. Рыбкина со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004]

В этом разделе мы рассмотрим в сопоставлении корпусный материал (прежде всего, данные НКРЯ) по пяти русским конструкциям чередования: *день X, день Y; сегодня X, завтра Y; иногда X, иногда Y; то X, то Y; один день X, другой день Y*. Методика сопоставления контекстов употребления, давно принятая в Московской семантической школе (см. еще Апресян 1967, 1974, ср. также НОСС), позволит нам выделить когнитивно значимые параметры, которые определяют набор противопоставлений в этой зоне в русском языке.

3.1 Сегодня-завтра: однократность / многократность чередования

Конструкция *сегодня-завтра*, на первый взгляд, не отличается от *день-день*: на поверхностном, лексическом уровне обе конструкции «измеряют» чередующиеся периоды одинаково – в днях. Кажется, что только для *сегодня-завтра* эти периоды должны выглядеть более конкретными, сопряженными с моментом речи как точкой отсчета. На самом деле, все наоборот: в отношении периодичности именно *сегодня-завтра* менее определено и может задавать неопределённые временные интервалы. Так, в примере (23) первая часть конструкции действительно соотносится с положением дел в настоящем, но вторая апеллирует к неопределённому будущему:

(23) *Сегодня ты мне поможешь / завтра я тебе / ну одолжи!* [НКРЯ, устный подкорпус]

В примере (24) не обязательно определен и временной интервал начального положения дел (ведь в этом случае джаз играют не непременно сегодня), а не только последующего (*завтра* – значит, конечно, не буквально «завтра», а просто ‘потом’):

(24) *Сегодня он лабает джаз, а завтра Родину продаст.* [Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003]

Другое различие этих конструкций состоит в способности выразить, наряду с

многократной, и однократную смену ситуаций. Действительно, при чередовании как подтипе глагольной множественности дефолтно значение, при котором одно и то же изменение происходит много раз – и в принципе, оба маркера – и *день-день*, и *сегодня-завтра* – как показывают примеры, способны выразить идею многократного чередования:

(25) *По мне, коли что, выбрать хорошего человека, и пускай ходит пополам: сегодня атаманом, завтра комиссаром.* [Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924-1932)]

Ср. в том же значении: *день атаманом, день комиссаром*

Однако для *сегодня-завтра* более характерными являются контексты **однократной** смены ситуации, ср. выше пример (25), который нельзя перефразировать с помощью *день-день*, потому что конструкция *день-день* в принципе не допускает однократности:

*день он лабает джаз, день Родину продаст.

При однократной смене ситуации важно противопоставление между X и Y: поскольку смена ситуации происходит только один раз, должно наступить такое событие, которое исключает вероятность повтора начальной ситуации. Это требование хорошо согласуется с другим аспектом семантики конструкции *сегодня-завтра*. Она задаёт некоторую градацию изменений – в положительную или отрицательную сторону, часто имеющую естественный предел развития, который препятствует цикличности. Характерными иллюстрациями здесь служат примеры (27) и (28):

(26) *Сегодня я в этом кабинете, а завтра — я лагерная пыль.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)],

(27) *Сёдня он живой / а завтра / покойник.* [Иван Щеголев, Лев Корсунский. Американский дедушка, к/ф (1993)]

В обоих случаях замена на показатели, которые ориентированы исключительно на многократные ситуации -- как *день-день* или обладающее тем же свойством *иногда-иногда*, оказывается невозможна:

(28) **Иногда я в этом кабинете, а иногда я – лагерная пыль*

(29) **День я в этом кабинете, день я лагерная пыль*

Итак,

- *неопределенный интервал,*
- *градуальность и*
- *однократное / повторяющееся изменение*

можно считать примерами искомым семантическим параметром в поле чередования. В следующем разделе, на примере конструкций *иногда-иногда* и *то-то*, мы проиллюстрируем действие ещё одного значимого параметра – контролируемости сменных ситуаций.

2.2 Иногда – иногда VS то-то: контролируемость

В большинстве случаев конструкции *иногда-иногда* и *то-то* взаимозаменяемы, ср. синонимию (31) и (32):

(30) *То дождь, то снег*

(31) *Иногда дождь, иногда снег*

Однако в контексте контролируемых глаголов *иногда-иногда* и *то-то* ведут себя по-

разному. Если говорящий выступает в роли наблюдателя, по-прежнему возможны обе конструкции, как в (33) и (34):

(32) *Когда Андерсон спрашивают, кто же она на самом деле – художница, поэт или музыкант, то она даёт один из двух ответов: **иногда** она называет себя лингвистом, **иногда** – рассказчиком историй* [Труд-7, 2008.04.29]

(33) *<...> **то** она называет себя лингвистом, **то** рассказчиком историй.*

Если же говорящий контролирует чередование ситуаций, допустимой оказывается только конструкция *иногда-иногда*: союз *то-то* провоцирует семантический конфликт со значением контролируемости. Так, в примере (35) с *иногда-иногда*, полученном из (33) заменой третьего лица на первое, описывается намеренное речевое действие субъекта. В примере (36), где *иногда-иногда* замещено союзом *то-то*, речевое действие оказывается представлено так, как будто выбор номинации не зависит от воли говорящего. Получается, что говорящий как бы с удивлением слушает себя со стороны и узнает о поступках, которые совершает практически в бессознательном состоянии. Такая дискурсивная ситуация почти невозможна, или крайне редка:

(34) ***Иногда** я называю себя лингвистом, **иногда** – рассказчиком историй.*

(35) *??? **То** я называю себя лингвистом, **то** рассказчиком историй*

Значимость параметра контролируемости проявляется и в других в контекстах, где чередование ситуаций обусловлено выбором говорящего одной из двух возможностей, ср. пару (37) – (38):

(36) *Я **иногда** ночью в деревне, **иногда** в посёлке* [Комсомольская правда, 2007.12.05]

(37) *Я **то** ночью в деревне, **то** в посёлке.*

Действительно, для примера (37), с *иногда*, характерна интерпретация, при которой выбор места определяется говорящим сознательно, тогда как для (38) более вероятной представляется другая интерпретация, когда действие осуществляется в силу некоторых внешних обстоятельств, и выбор не контролируется субъектом.

Таким образом, **контролируемость** может считаться еще одним существенным параметром, определяющим выбор конструкций, кодирующих чередование ситуаций в русском языке. Как мы только что показали, он важен для выбора между конструкциями *иногда-иногда* и *то-то* – однако список необходимых параметров им исчерпывается.

2.3 День-день VS то-то: оценка изменений

В предыдущих разделах (2.1 и 2.2) мы последовательно рассмотрели две группы конструкций – в одну из них входила конструкция с маркером *день-день*, а в другую – с маркером *то-то*. Теперь сравним эти маркеры между собой. В принципе, конструкции *день-день* и *то-то* достаточно близки по значению и кругу употреблений, но полными синонимами они, конечно, не являются.

Во-первых, для союза *то-то*, в отличие от *день-день* (или, скажем, *сегодня-завтра*), нет ограничений на временной интервал между ситуациями: во внешней форме конструкции этот интервал никак не определен. В частности, обе ситуации могут неоднократно произойти в один и тот же день, непосредственно следуя друг за другом (39) или, наоборот, меняться через гораздо большие промежутки времени (40) – через несколько недель, месяцев, лет и проч.:

(38) Он **то** помогал некоторым, **то** отбегал в сторону и командовал [Василь Быков. Камень (2002)]

(39) У него **то** одна секретарша, **то** другая.

Во-вторых, в отличие от *день-день*, союзная конструкция не выражает идеи регулярности, то есть равномерности и упорядоченности изменений. Это в частности, следует из идеи отсутствия контроля за изменениями: смена чередующихся событий выглядят для говорящего слабо предсказуемой, даже случайной, как в (42), в отличие от (41). Благодаря этому эффекту пример (42), полученный простой заменой *день-день* на *то-то* из предложения (41), оказывается малопримлемым:

(40) У нас с женой правило: **день** я продукты покупаю, **день** – она.
[Комсомольская правда, 2002.09.14]

(41) ??У нас с женой правило: **то** я продукты покупаю, **то** – она.

Семантика неконтролируемости и случайности, свойственная *то-то* способствует, как видно уже из (44) возникновению еще одного дополнительного компонента значения, а именно, **отрицательной оценки** изменений, недовольства говорящего этими изменениями: регулярные изменения обычно оцениваются положительно, а хаотичные – отрицательно.

(42) Мой рабочий день построен так – с утра я обязательно иду в спортзал (уже на протяжении трех лет). **День** – бег, **день** – штанга. / ??**то** бег, **то** штанга
[Труд-7, 2002.03.11], ср. приемлемое (44) в контексте отрицательной оценки:

(43) <... устал я от этих тренировок:> **то** бег, **то** штанга...

Таким образом, **регулярность** повтора с одной стороны, и его **случайность**, с другой, наряду с **оценкой**, тоже оказываются примерами параметров, структурирующих поле чередующихся ситуаций.

Вероятно, конструкция *то-то* обладает ещё одним свойством – значением частой смены ситуации.

2.4 Частота чередований

До сих пор мы представляли конструкции *иногда-иногда* и *то-то* синонимичными с точностью до контроля, который в основном был «виден» только в контексте контролируемых предикатов. Однако взаимозаменяемость этих союзов в тех примерах, где она действительно возможна, как в (31-32), конечно, не означает их полной синонимии. Различие касается частоты предполагаемых чередований. Понятно, что для этих маркеров речь не идет о фиксированных временных промежутках, которыми эти чередования измеряются, как в случае с *день-день*, *год-год* и под. Между тем нефиксированный промежуток может субъективно оцениваться как краткий или как длительный. В первом случае выбирается союз *то-то*, во втором – *иногда-иногда* или *когда-когда*. Субъективная длительность промежутка между чередованиями предполагает, в частности, что между чередующимися событиями есть существенные перерывы, которые, как правило, “заполнены” какими-то другими событиями. Напротив, ситуации, которые отражаются в конструкции с *то-то*, имеют возможность следовать друг за другом мгновенно и целиком укладываться в рамки объемлющей непрерывной ситуации. Для *иногда-иногда* и *когда-*

когда это запрещено, поэтому примеры (45) или (47) выглядят естественными, а (46) и (48) – малоприемлемыми.

(44) Почему мой агент(=программа-чат) **то** зелёный, **то** красный (=то в сети, то не в сети)?

(45) ???Почему мой агент **иногда** зелёный, **иногда** красный?

(46) Шайба летит над площадкой, мчатся хоккеисты, атака сменяет атаку, **то** один, **то** другой вратарь парирует сильнейшие броски.

(47) ???Атака сменяет атаку, **когда** один, **когда** другой вратарь парирует сильнейшие броски

4. Заключение

Материал эритажных ошибок позволил нам обнаружить интересный класс русских конструкций со значением чередования парных ситуаций. Мы показали, что это значение представляет особую разновидность глагольной множественности, типологически высоко релевантно и, как правило, выражается двойными союзами, каждый из компонентов которых вводит свою ситуацию из пары чередующихся (как в: *то сядет, то встанет*). В то же время, это значение далеко не всегда грамматикализуется – во многих случаях на месте союзов выступают парные наречия, в том числе местоименные. В дальнейшем такие пары наречий (наряду с парными указательными местоимениями и счетными словами) служат в большинстве языков лексическим источником для грамматикализации конструкций с двойными союзами.

Границу между лексическими и грамматическими конструкциями такого рода провести непросто. Обычно для сочинительных союзов для этого используются диагностики, апеллирующие к возможности / невозможности переставить слова в глагольной группе или опустить ее часть. Однако в нашем случае ввиду слишком низкой частотности союзов, такого рода проверку трудно провести, особенно в языках со свободным порядком слов, как русский. Возможно, для других языков эти тесты были бы более доступны, хотя и там малая частотность будет препятствием для полноценных синтаксических исследований.

Между тем, множественность показателей – грамматических и квазиграмматических – сосуществующих в рамках одного языка и «работающих» на одном и том же, сравнительно узком, поле чередований, делает интересными семантические сопоставления внутри этого поля. Они приводят к выделению когнитивно значимых параметров, способных к лексикализации в этой зоне.

Такие сопоставления мы провели в этой статье на материале русского языка, сравнив конструкции *то X, то Y; день X, день Y; сегодня X, завтра Y; иногда X, иногда Y; когда X, когда Y; один день X, другой день Y*: в русском именно эти конструкции служат особым лексико-синтаксическим средством для оформления значения смены разных ситуаций или компонентов одной ситуации. По идее, наше сопоставление естественным образом продолжает те исследования, которые в свое время начала Наталья Юрьевна Шведова. Выйдя за пределы и обычной лексикографии, и привычного материала грамматического описания, она предложила синтез того и другого на новом материале: материале лексико-синтаксических конструкций.

Следующий шаг – это выход за пределы конкретного языка, ведь даже самый краткий типологический обзор, приведенный здесь, показывает, что подобные единицы релевантны не только для русской, но и для многих других (всех?) языковых систем. Поэтому мы надеемся, что различительные семантические параметры, выделенные нами для русского, такие как:

- Однократность/ многократность чередования

- Градуальность
- Контролируемость
- Оценка изменений
- Регулярность чередования

не просто регулируют употребление соответствующих единиц, но до определенной степени задают структуру этого нетривиального поля.

Возможно, дальнейшее исследование конструкций со значением чередования на материале других языков позволит нам подтвердить их более широкую применимость и обнаружить другие, типологически значимые параметры в этой семантической зоне.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. 1967. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука.
2. Апресян, Ю. Д. 1974. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука. [2-е изд.: Апресян 1995а, т. I].
3. Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: эритажный (унаследованный) русский язык// Вопросы языкознания. М.: «Наука», №3, 2014. – с. 3-19
4. Ладыгина А.А. Русские эритажные конструкции: корпусное исследование. Дипломная работа. – М.: МГУ, 2014.
5. НОСС: Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов. М., 2003.
6. Пекелис О.Е. Двухместные сочинительные союзы: опыт системного анализа (на основе корпусных данных) // Вопросы языкознания. М.: «Наука», 2012 - №2, с.10-43
7. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. — 672 с.
8. Рахилина Е.В. Грамматика ошибок: в поисках констант //Язык. Константы. Переменные. Памяти А.Е. Кибрика. СПб.: [Алетейя](#), 2014с. – с. 87-96.
9. Рахилина Е.В. Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // Труды Института русского языка им. В.В.Виноградова. Вып. 5. – М.: 2015.
10. Храковский, В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация// Отв. ред. В.С. Храковский. Типология итеративных конструкций, Л.: Наука, 1989. – с. 5-54.
11. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи: (Вопросы строения предложения) // Дис ... докт. филол. наук. – М.: 1958.

12. [Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис](#) / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1980.
13. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с.
14. Шлуинский А.Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Кандидатская диссертация. М.: МГУ, 2005.
15. Fillmore, Ch. J. The mechanisms of 'Construction Grammar' // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society 14, 1988 – p. 35-55
16. Fillmore, Ch. J.; Kay, P. 1992. Construction Grammar Course Book. Berkeley: Univ. of California.
17. Polinsky, M., Kagan, O. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // Language and linguistics compass. 2007. № 1 (5).